

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

НАЗАРОВ Михаил Михайлович - кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН.

Понятие справедливости выступает в качестве одной из центральных составляющих в большинстве политических идеологий. При этом критерии справедливости никогда не бывают нейтральными. Не случайно представители самых разных политических сил апеллируют к обидам и лишениям тех или иных социальных групп, сознательно укрепляя ожидания и усиливая недовольство.

Социальная справедливость как политическая ценность находилась в центре политико-идеологической борьбы в СССР/России в течение последнего десятилетия. Многие процессы перестроечного времени интерпретировались как возврат "к истинному пониманию социальной справедливости". В постперестроечный период идея социальной справедливости также находилась в фокусе общественного внимания, присутствовала в той или иной форме в программах большинства политических партий и движений. Репрезентативные эмпирические исследования фиксируют, что категория справедливости находится в ряду наиболее значимых для россиян ценностей¹.

Пристальное внимание к этой категории в немалой степени обусловлено экономическим и социально-политическим контекстом российской действительности. Сейчас в российском обществе налицо рост дифференциации в возможностях распоряжения, владения и пользования материальными и социально-культурными ресурсами, что самым прямым образом соотносится с поведенческими составляющими политической культуры - политическим участием, протестной активностью.

Мы попытаемся ответить на вопрос об особенностях представлений о социальной справедливости, сложившихся в нынешних условиях. Прежде всего нас будут интересовать сложившиеся модели интерпретаций данного феномена. В целом это позволит расширить понимание социальной справедливости как одной из базовых составляющих российской политической культуры.

Состояние разработки проблемы

В самом общем плане понятие справедливости предполагает некоторое соответствие между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами людей и их признанием. В философско-историческом плане тема справедливости имеет многовековую традицию, выраженную в идеях Платона и Аристотеля, раннего христианства, социалистов-утопистов (Кампанелла, Т. Мор), просветителей (Руссо), а также Канта, Гегеля, Маркса, Дж. Ст. Милля и многих других выдающихся мыслителей.

В советский период социальная справедливость трактовалась зачастую исходя из преобладавшей тогда марксистско-ленинской парадигмы анализа действительности. Серьезный акцент делался на изучении выравнивания реальных доходов рабочих и крестьян, как отражении процессов стирания социальных различий в социалистическом обществе². Этот подход проявляется и в трактовке социальной справедливости в рамках разработанной в тот период концепции социалистического образа жизни³.

Другая тенденция связана с перестроечным периодом, охватывающим 1985-1991 годы. Тогда появилось большое число научных и публицистических работ, посвященных критике сложившегося социально-экономического и политического устройства общества. Значительное место в них было уделено концептуальной критике социальной справедливости, которая на практике идентифицировалась с уравнильностью⁴.

Специалисты отмечали три основных обстоятельства, которые, наряду с привилегиями номенклатуры, способствовали разрушению представлений о справедливости: сдерживание роста заработной платы и, соответственно, недоплата работнику за результаты его труда, создание искусственного дефицита рабочей силы: фактическое осуществление уравниловки как заменителя объективных требований распределительных отношений⁵.

В этот же период активизировались эмпирические исследования феномена социальной справедливости⁶. Было зафиксировано, что во второй половине 80-х годов сложилось два стереотипа социальной справедливости распределения. Первый - усиление дифференциации заработка и доходов как средства стимулирования качества и результатов труда; второй - повышение зарплат как средства (сознательного или несознательного) сокращения различия в их размерах, а главное - в среднедушевых семейных доходах⁷.

В этой связи к социальному содержанию перестройки относили реализацию интересов трудящихся, состоящих, среди прочего, в более справедливом распределении доходов и потребительских благ между социальными слоями и группами, в возвращении незаконно присвоенного номенклатурой общенародного достояния (больниц, санаториев, административных зданий, дачных поселков и проч.). Однако исследования показали, что проявившуюся в ходе перестройки тенденцию социального расслоения население оценило недостаточно, зачастую не связывая с ней представления о социальной справедливости⁸.

В постперестроечное время проявляется новая тенденция в подходе к идеям социальной справедливости. В период экономических трансформаций радикально-либерального плана в российских средствах массовой информации почти общим местом стало мнение, что вопросы социальной справедливости являются не чем иным, как "пережитком социализма" и что в обществах с рыночной экономикой и либеральной демократией заботам о социальной справедливости места нет. Не столь однозначной складывалась ситуация в дискуссиях академического плана. Достаточно распространенным было мнение о том, что социальная справедливость как политическая ценность имеет значительный конструктивный потенциал для становления российского общества⁹. Заметим, что в последние 5-7 лет появились отдельные работы, посвященные теоретическим проблемам социальной справедливости¹⁰.

В этот же период был осуществлен ряд эмпирических проектов, в которых прямо или косвенно затрагивались проблемы социальной справедливости¹¹. Так, при изучении жизненных стратегий в переходном обществе среди прочих рассматривался и этот фактор. Зафиксировано, что трудовая интерпретация справедливости остается ведущим элементом системы; социальная защита остается "ситуационной" ценностной ориентацией, следующей за изменением социально-экономических условий; моральные интерпретации социальной справедливости устойчиво ослабевают¹².

В рамках проекта изучения либеральных ценностей в сознании россиян в 1993 г. была выявлена общая ориентация населения на справедливость как ценность¹³. Кроме того, были выявлены ориентации на "уравнильную", "социал-либеральную" и "либерально-экономическую" формулировки социальной справедливости в обществе. В целом по массиву доля таковых составила 26%, 36% и 25% соответственно. Зафиксированы социально-демографические особенности распределения предпочтений по этому вопросу. Авторы пришли к выводу, что социал-либеральная трактовка справедливости получила довольно широкое распространение в российском обществе, особенно в его элитных группах. Это представляет собой результат одновременного

влияния на умонастроения людей мирового опыта социальной политики XX века и уравнилельно-распределительной отечественной традиции.

Во второй половине 90-х годов со все большей очевидностью стали проявляться негативные социальные последствия экономических трансформаций в России. Понятно, что формирование рыночных отношений не может не вести к усилению дифференциации доходов. Однако сложившийся уровень дифференциации доходов в России не имеет аналогов в восточноевропейских странах и может оцениваться как беспрецедентный. Сейчас существуют как бы "две России", расходящиеся в разные стороны социальные ветви. Они резко отличаются поведением, предпочтениями, ориентациями. Это, наряду с фактическим отсутствием среднего класса, представляет серьезный источник социальной напряженности. По ряду важнейших индикаторов страна оказалась в запредельном положении. Здесь следует упомянуть: а) потребление белка животного происхождения, б) потребление абсолютного алкоголя, в) масштабы суицида, г) размеры дифференциации доходов, д) доля дебильности в населении. В этой ситуации политика голого экономического прагматизма не работает. Нужны новые принципы [14].

Показательно, что ряд исследователей настаивали на тупиковости практики реформирования, при которой политическая и экономическая целесообразность безоговорочно признается более высокой инстанцией по отношению к моральной норме. "... Сильный имеет право на выживание? Старость — обуза для общества? Материальный успех любыми средствами? Коллективное, совместное - это враг личности?..." [15]. Подобное "отключение нравственности" (а представления о справедливости являются одной из важнейших норм) неминуемо ведет к аномии, к проблематичности существования российской социальной общности как таковой.

В этот же период происходило переосмысление роли социальной справедливости в советском обществе. Было показано, что установление норм социальной справедливости на некотором первоначальном уровне в принципе не могло исключить явления, которые стали казаться несправедливостью в отношении к тем же самым нормам. "Позднее" советское общество стало вступать в стадию, когда именно социальные права и гарантии, начали превращаться в препятствие для осуществления "маниакальной цели советского руководства и привилегированных слоев догнать Запад" [16]. Так же был предложен один из возможных вариантов объяснения механизма трансформаций отношения к социальной справедливости. В перестроечный период были "раздуты привилегии партийно-хозяйственной номенклатуры (на деле весьма умеренные для правящего слоя), что неминуемо нашло отклик в связи с воспитанным социализмом глубоким чувством справедливости. В десятки раз большие привилегии нынешней власти, и во сто раз большие "куски" народного добра, отрываемые компрадорской буржуазией и мафией, не воспринимаются столь болезненно, ибо от капитализма ничего "иного ждать не приходится". Сознание людей принимает новую реальность, тогда как "тоска по социализму владеет их подсознанием" [17].

Важными также представляются оценки текущей ситуации отдельными зарубежными специалистами, которым хорошо знакома российская действительность. По их мнению, российские либералы оказались в плену насаждаемых советской идеологией представлений о капитализме как о звериной общественной системе, в которой глубокое неравенство культивируется прежде всего бизнесом. Они, видимо, не знали (или делали вид, что не знали) как на Западе озабочены проблемой уменьшения социальной поляризации, игнорировали тот факт, что "уравниловка" в скандинавских странах, во Франции и Германии, по сути дела, несколько не слабее советской. Таким образом, отказ от "социальных гарантий" есть отступление не от советского социализма, а от современного западного общества [18].

Что в этой ситуации показывали эмпирические исследования? Каким было отношение к социальной справедливости у большинства россиян? Сошлемся в этой связи на данные исследования базовых ценностей населения, проведенного по репрезентативной общероссийской выборке в 1995 году. Респондентам предлагалось

выбрать из базового списка не более 9 слов, которые лучше всего выражают представления о хорошей, счастливой жизни, возрождении России. Показательно, что ценность справедливости заняла десятое место в ранжированном ряду, собрав по массиву 25,1% номинаций. Впереди нее оказались такие преимущественно неполитические ценности как здоровье, семья, достаток, законность, порядочность, стабильность, уважение к родителям, мир, любовь [19]. По данным другого репрезентативного исследования, проведенного ВЦИОМ в 1997 году, на вопрос о том, что важнее всего сейчас для России первые три позиции ответов были следующими: "наведение законности и порядка" (27%), "демократические права и свободы" (24%), "социальная справедливость" (22%) [20].

В представлениях россиян социальная справедливость тесно связана с вопросами равенства и роли государства в обеспечении прав граждан на труд, жилище, регулировании распределения доходов. В международном сравнительном исследовательском проекте по социальной справедливости респондентам из 12 стран был задан вопрос, согласны они или не согласны с утверждением: "государство должно предоставить работу каждому, кто хотел бы ее иметь". Подавляющее большинство россиян, как и представителей бывших социалистических стран с этой точкой зрения было согласно. Показательно, что более двух третей опрошенных в Великобритании, Западной Германии и Японии также считали, что правительства должны гарантировать занятость населения. В этом же исследовании задавался вопрос об ответственности правительства за справедливое распределение доходов. В США такого мнения придерживались 50% опрошенных, в Нидерландах - 53%, в Великобритании - 67%, Западной Германии - 71%, Эстонии - 76%, Чехословакии - 82%, Японии - 86%, Болгарии — 87%, в Словении, Польше, Венгрии - 88%, Восточной Германии и России - 96% [21].

Значительный опыт изучения заявленной в проекте проблематики социальной справедливости накоплен в современной зарубежной науке. Наряду с работами общетеоретического характера эти проблемы находят отражение в исследованиях прикладной направленности. Один из центральных эмпирических подходов к изучению проблематики социальной справедливости связан с известной концепцией относительной депривации [22]. Развитием этого являются исследования, посвященные восприятию т.н. "распределительной" справедливости, выполненные рядом специалистов на стыке социологии, психологии и математики [23].

Целесообразно учесть результаты исследований взаимосвязи особенностей восприятия справедливости как элемента той или иной идеологии, структурных характеристик социума, в которых находится конкретный индивид [24]. В ходе исследований современного американского общества было установлено, что разделяемые концепции справедливости слабо соотносятся с оценками личных интересов [25]. Обнаружено также, что именно идеологии, зачастую слабо зависимые от уровня относительных доходов, определяют установки людей на распределительные процессы в обществе, их восприятие социальных преимуществ и несправедливостей [26]. Зафиксировано, что либеральная, консервативная и центристская интерпретации справедливости являются важными детерминантами социальных предпочтений и коррелируют с левыми; правыми и умеренными политическими ориентациями в целом [27].

Большое число работ зарубежных специалистов было посвящено эмпирическому изучению социально-политических и экономических особенностей переходных процессов в посткоммунистических странах. В ряде из них отмечается значимая роль индикаторов социальной справедливости в качестве независимых переменных, детерминирующих поведение индивида в социально-политическом и экономическом пространстве переходного общества [28, 29]. Авторами показано, что политические экономические установки являются связанными и весьма устойчивыми. Причем ко многим из них непосредственное отношение имеет феномен социальной справедливости [30].

Методика исследования

Рассмотренные выше подходы и результаты составляют в совокупности необходимую теоретическую и методическую основу работы. Вместе с тем, в заявленной проблематике налицо значимые содержательные лакуны. Восполнение последних связано с решением ряда специальных вопросов исследования.

Изучение моделей интерпретации социальной справедливости осуществлялось путем деления проблемы на несколько аналитических частей. Сформулируем их в форме исследовательских гипотез.

1. При интерпретации социальной справедливости представителями различных групп и слоев наблюдается неодинаковая роль факторов идеологического, духовно-культурного и материального порядка.

2. Процесс интерпретации социальной справедливости предполагает обращение индивида к сравнениям на двух уровнях: личностном и социальном. При обращении к последнему детерминирующими являются две "картины мира": советского периода истории и нынешнего, постперестроечного.

3. Со снижением уровня благосостояния и увеличением возраста степень принятия коммуитаристских или уравнилельных трактовок социальной справедливости возрастает.

4. Уровень оценки общества, как справедливого положительно связан со степенью удовлетворенности индивида различными сферами его бытия, а также направленностью изменений в реализации его материальных и духовных потребностей за последние 8-10 лет.

Кратко о методике сбора эмпирической информации. При формировании выборочной совокупности мы стремились к тому, чтобы в ней максимально полно были представлены носители основных типов политических ориентаций. Информационной базой для отбора респондентов для интервьюирования были данные репрезентативного опроса в Москве (N = 903), проведенного в середине 1995 года. В рамках этого исследования, среди прочих характеристик, фиксировался уровень поддержки населением различных политических партий, движений и их лидеров. Также была получена информация о координатах тех респондентов, кто согласился еще раз ответить на те или иные вопросы. Таких оказалось около 60%. На массиве "согласившихся" респондентов с использованием метода кластерного анализа было выявлено несколько основных типов ориентаций на политические партии и их лидеров. С представителями этих типологических групп были проведены полужформализованные интервью. При этом в каждом из них респонденты были равномерно распределены по полу и возрастным группам.

Интерпретации социальной справедливости

Каким является пространство содержательных интерпретаций социальной справедливости? В этой связи проанализированы ответы на вопрос "Что Вы понимаете под социальной справедливостью?" Основная цель состояла в получении достаточно развернутых ответов. Если ответ оказывался предельно лаконичным, задавались уточняющие вопросы. Например, "Не могли бы Вы пояснить свою мысль?"; "Что конкретно Вы имеете в виду?"; "Почему Вы так считаете?" и т.п.

Во всей совокупности высказываний можно выделить несколько основных структурно-содержательных блоков. Излагая свое представление об интересующем нас предмете респондент так или иначе концентрировал внимание на одной или нескольких ведущих темах или проблемах, в рамках которых давались определения и приводились оценки социальной справедливости. К таковым можно отнести следующие: социальная защита; оплата по труду; комплекс либеральных ценностей; комплекс социалистических ценностей; указание на отсутствие социальной справедливости.

В рамках каждого содержательного блока возможно выделение нескольких аспектов, отмеченных респондентом. Кроме того, для многих ответов очевидной является оценочная тональность освещения вопроса социальной справедливости в связи с общими процессами политических и социально-экономических изменений, происшедших в стране за последние 8-10 лет.

В интерпретациях социальной справедливости, связанные с необходимостью социальной защиты, в качестве объектов поддержки прежде всего названы пенсионеры, больные, многодетные семьи. Кроме того, делается акцент на необходимости поддержки сфер образования, здравоохранения, культуры. Обратим внимание, что акценты в интерпретации зачастую разнятся с мировоззренческими ориентациями респондентов. Так, более молодыми, преуспевающими сейчас людьми вопрос о поддержке оказывается соотнесенным с необходимостью активных индивидуальных усилий представителей других слоев общества. Показательным в этой связи является такое высказывание: "Это обеспечение больных, детей, пенсионеров, и, пожалуй, все. Вот это будет в социальном плане справедливо. А все остальные люди, которые в светлом уме и памяти, они должны работать, отвечать сами за себя".

Другой ракурс интерпретации предполагает наличие социальной поддержки незащищенных социальных групп независимо от господствующей идеологии и политической практики. Актуальна проблема уровня минимальной поддержки, а также пропорциональности ее распределения для пенсионеров в зависимости от стажа и т.п. Важно отметить, что проблематика социальной поддержки прежде всего звучит в контексте вопросов оплаты по труду, индивидуальных усилий и распределительных отношений.

Можно выделить несколько содержательных составляющих, в рамках которых интерпретации социальной справедливости касались вопросов оплаты по труду. Первой является простая констатация того обстоятельства, что возможность получить адекватное вознаграждение за выполненную работу является наиболее точным отражением справедливости. Например: "Для меня одна-единственная социальная справедливость: когда человек хорошо работает, ему должны хорошо оплачивать его качественный труд". Другая составляющая связана с указанием на государство как источник "уравнивания и эксплуатации". Показательно, что эта тема поднималась как применительно к "советскому", так и "постсоветскому" периодам. Причем это в основном касалось лиц с позитивной ориентацией в отношении происходящих изменений в стране. Характерным является такое мнение: "Справедливость. Ну, это, хотя бы так, как за рубежом. Там они 30% прибыли имеют с рубля. Заработал я рубль, государство забрало 70 копеек, а 30 я имею своих. А тут - 4 копейки, какая же справедливость? Когда у тебя все забирают...".

Отдельным содержательным блоком выступает компонента "честного труда". Здесь зачастую подразумеваются трудовые усилия (точнее вид деятельности), сложившийся в советский период, которому противопоставляются новые формы, появившиеся в период экономических трансформаций.

Выделяется труд и соответствующее вознаграждение как средство самореализации. Причем люди, активно включенные в процессы новой экономики говорят о самореализации в позитивном свете. В то же время те, для кого реформы оказались сопряженными с потерей социального и профессионального статуса, расценивают происходящее как еще более отдаляющее их от возможностей реализации собственного интеллектуального и социального потенциала. "Я просто хочу быть человеком. Я не хочу быть в батраках. Я имею образование, я хочу жить по-человечески, я всю жизнь отдала заводу, предприятию, работала. А стала я ничтожеством. И стаж большой, а кому это надо? Я не человек уже, идешь как рванина".

При интерпретации социальной справедливости в контексте темы "оплата по труду" эта проблема поднималась и в связи с вопросом дифференциации доходов. Последнее было присуще лицам с негативной ориентацией на общий ход реформ. Показательно, что здесь не принималась как уравниловка в ее советском варианте, так и резкое социальное расслоение, наблюдающееся в последнее время.

Для достаточно многочисленной группы респондентов характерно рассмотрение социальной справедливости как одной из центральных ценностных и практических составляющих жизни в советский период. В основе таких трактовок находятся интересы коллектива, группы, государства, а личность рассматривается во взаимосвязи с этими категориями. Тексты интервью позволяют утверждать, что подобные трактовки справедливости в большей степени присущи представителям старшего и среднего поколения. "Для меня это социалистический путь развития. Был самый справедливый строй, где у всех равные условия были. Я не беру высокие посты, когда там были высокие пенсии. А у всех остальных равные права. Этот "дикий" капитализм я не воспринимаю... Была очень большая забота о каждом человеке. И профсоюз работал по-настоящему, и дирекция. Каждый человек был на виду. Один недостаток при социализме был: не каждый сидел на своем месте". Значимым обстоятельством является при этом уровень материального положения на сегодня, а также общие мировоззренческие установки человека. Следует отметить, что апелляция к социалистическим ценностям связана с реакцией людей на резко негативные процессы в социально-экономической сфере, которые прежде всего ударили по людям со средним и низким достатком.

Как уже отмечалось, интерпретации социальной справедливости в значительном числе случаев оказываются производными от общих мировоззренческих ориентаций людей. Характерно, что при этом пояснение своих представлений о справедливости происходит посредством обращения к другим политическим ценностям. В целом это характерно для респондентов с позитивными оценками происходящего и рассматривающими справедливость через призму или в контексте категорий общей либеральной направленности. Типичными в этой связи являются следующие высказывания: "Справедливость, это когда все люди имеют равные возможности и, в общем то, свободу достичь чего-либо. Свободу в достижении своих целей, если эти цели положительные, реализовать свои потенции"; "Это идеалы демократии. Чтобы все имели соответствующие права и в этом смысле были равны". Причем рядоположенными со справедливостью являются равные возможности и гражданские права индивида.

Отдельная группа высказываний связана с указанием респондентов на ее отсутствие в реальной жизни. При этом для одного типа высказываний свойственна просто констатация этого факта. В интерпретациях второго типа подобная точка зрения обосновывается невозможностью осуществления социальной справедливости в бедной стране, каковой сейчас является Россия. Третий тип высказываний содержит отсылку к социально-политическому и экономическому характеру системы - социализма или капитализма, что, по мнению автора высказывания, также не является решающим в этом вопросе. "Не может быть социальной справедливости ни при каком обществе - ни при капиталистическом, ни при социалистическом... Ну какая социальная справедливость, когда у нас сейчас ... сколько... пять, что ли, процентов миллионеров в стране, остальные все нищие". Тональность отдельных высказываний показывает, что нынешний этап реформ не укрепил, а напротив, ослабил надежды людей на реализацию принципов справедливости. Последнее так или иначе сопряжено с наблюдаемым ростом имущественной дифференциации.

Таким образом, можно говорить о ряде особенностей в толкованиях социальной справедливости. Представители всех опрошенных групп респондентов сходятся как в индивидуально-личностной, так и общественной значимости данной категории. Даже у респондентов, указавших на отсутствие таковой "сейчас или в принципе", существуют свои идеальные модели справедливости. Вместе с тем, содержание этого понятия в различных интерпретациях является не одинаковым. Тексты интервью подтверждают многообразие интерпретаций. Одной из важных общих характеристик является неприятие как уравнилельных тенденций в вознаграждении трудовых усилий, свойственных для советского периода, так и чрезвычайно резкой дифференциации в оплате труда, наблюдающейся в настоящее время. Наблюдаются

апелляции этического характера, связывающие справедливость с "честным трудом". Зачастую социальная справедливость рассматривается как центральная составляющая двух различных идеологических комплексов: либеральной и государственно-социалистической направленности.

На основе проведенного анализа представлений о социальной справедливости можно сделать следующие выводы. В современных условиях в структуре интерпретаций социальной справедливости наблюдаются несколько ведущих составляющих. С одной стороны, справедливость интерпретируется через обращение к конкретным сферам бытия - оплате по труду, различным формам социального обеспечения. С другой стороны, интерпретации справедливости сопряжены с рассмотрением этой категории в рамках двух основных систем политических ценностей - либеральной и социалистической. Для отдельной группы качественных оценок характерно **неприятие феномена справедливости** как такового.

В большинстве оценок и представлений о социальной справедливости в явной или неявной форме присутствует влияние или "обращенность" к тому или иному комплексу политических ценностей. Т.е. эта категория как бы аккумулирует в себе оценки очень конкретных, жизненно важных для людей характеристик их бытия и одновременно имеет значимую идеологическую нагрузку.

Показательно, что проблематика справедливого вознаграждения за адекватные трудовые усилия свойственна качественным оценкам, апеллирующим к различным идеологическим комплексам. Различия между ними зачастую связаны с мерой этого вознаграждения. Для интерпретаций либеральной направленности характерно рассмотрение цепочки трудовые усилия - вознаграждение вне связи с социальным контекстом, необходимость каких-либо ограничений. Сторонники традиционных советских ценностей выступают при этом против резкого расслоения населения, значимыми здесь также являются этические моменты, связанные с неприятием отдельных видов трудовой активности. Существенной также является "патерналистская" составляющая традиционных советских интерпретаций справедливости. Здесь государство, группа, коллектив в разных их проявлениях рассматриваются как некоторые элементы системы соотнесения, в рамках которой представления о справедливости формируются, и как таковые имеют смысл.

Полученные результаты в совокупности позволяют утверждать, что за различиями в представлениях о социальной справедливости стоят фундаментальные признаки мировоззренческой дифференциации - индивидуалистского и коммуитаристского или солидарного видения человека, его места и роли в системе социальных связей и отношений. То, что доли приверженцев этих сущностно различных трактовок справедливости являются на сегодня сопоставимыми по своей величине еще более актуализирует проблему взвешенных политических решений, адекватных наличным условиям шагов в области социального управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. напр.: *Клямкин И.М.* Советское и западное: возможен ли синтез // *Полис.* 1994. № 5; *Левашов В.К., Локосов В.В., Хлопьев А.Л.* Как живешь, Россия? М., 1995. С. 61.
2. *Научный коммунизм.* Под ред. Румянцева А.М. М., 1983. С. 323.
3. *Социалистический образ жизни.* М., 1980. С. 41-68.
4. Показательными в этом плане являются многие работы, опубликованные в 1988 году в известном сборнике "Иного не дано". Характерной, например, является следующая точка зрения: "Вероятно, усилится имущественная дифференциация, появятся большие заработки. По мы так натерпелись от уравниловки, от фактического поощрения лентяев и бракоделов, что хуже того, что было, уже ничего не будет, не может быть. Умная налоговая политика, повышение количества и качества товаров и услуг, рост эффективности экономики помогут обойти некоторые острые углы". См. подробнее: *Иного не*

- дано. Под ред. Афанасьева Ю.Н. М., 1988; Бовин А. Перестройка: правда о социализме и судьба социализма. Статья в том же сборнике. С. 543.
5. *Рымашевская Н.М.* Справедливость или равенство? // В человеческом измерении. М., 1989. С. 367.
 6. *Морин Ю.М.* Социальная справедливость и оплата по труду // Социс. 1990. № 3.
 7. *Покровская М.В.* Социальная справедливость в потреблении и ее стереотипы // Социс. 1990. № 3.
 8. На вопрос: "Ожидаете ли Вы, что в результате перестройки экономики распределение наших доходов в нашем обществе станет более справедливым?" 44% опрошенных не смогли дать определенный ответ, 31% ответили утвердительно и 25% - отрицательно. См.: *Заславская Т.Н.* Социализм, перестройка и общественное мнение // Социс. 1991. № 8.
 9. См., напр.: *Ядов В.А.* Россия в мировом пространстве // Социс. № 3. 1996.
 10. Укажем в этой связи на такие работы: *Давидович В.Е.* Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности. М., 1989; *Муздыбаев К.* Идея справедливости // Социс. 1992. № 11; *Алексеева Т.А.* Джон Роулс и его теория справедливости // Вопросы философии. 1994. № 10.
 11. См.: *Докторов Б.З.* Россия в европейском социокультурном пространстве // Социол. журнал. 1994. № 4; *Лапин Н.И.* Социальные ценности и реформы в кризисной России // Социс. 1993. № 3; *Ядов В.А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // Социол. журнал. 1994. № 1.
 12. *Наумова Н.* Жизненная стратегия в переходном обществе // Социол. журнал. 1995. № 2.
 13. Данная величина составила по репрезентативному массиву 37%. Здесь следует иметь в виду методику ее определения. Респондентам был предложен список из 38 слов-ценностей. Возможность выбора была ограничена 9-ю позициями. Подробнее см.: *Клямкин И.М.* До и после парламентских выборов // Полис. 1993. №6.
 14. *Рымашевская Н.М.* Социальные последствия экономических трансформаций в России // Социс. 1997. №6.
 15. *Покровский Н.Е.* Прощай интеллигенция // На перепутье (Новые вехи). Сборник статей. М., Логос. 1999. С. 49.
 16. *Зиновьев А.* Русский эксперимент. М., 1995. С. 325.
 17. *Кара-Мурза С.* Рана сердца, а не разума // Правда. 1995. 5 апр. Цит. по: Руткевич М.Н. О роли субъективного фактора в современной ситуации // Социс. 1995. № 10.
 18. *Шляпентох В.Э.* Равенство и справедливость в России и США // Социол. журнал. 1998. № 3/4.
 19. Ментальность россиян. М., 1997. С. 74.
 20. *Шляпентох В.Э.* Равенство и справедливость в России и США // Социол. журнал. 1998. № 3/4.
 21. *Рукавишников В., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С. 132.
 22. Подробнее см.: *Rumanian W.G.* Relative Deprivation and Social Justice. Routledge and Kegan Paul, 1966.
 23. *Jasso G.* Analysing Conflict Severity: Predictions of Distributive Justice Theory for the Two-Subgroup Case // Social Justice Research. 1993. Vol. 6. No. 4.
 24. *Lone Robert E.* Market justice, political justice // American Political Science Review. 1986. Vol. 80. No 2.
 25. *Tyler T.R., Rasinski K. and McGraw K.* The influence of perceived injustice on the endorsement of political leaders. Journal of Applied and Social Psychology.
 26. *Verba S. and Orren G.R.* Equality in America: the view from the top. Harvard University Press, 1985.
 27. *Lissowski G., Swistak P.* Choosing the best social order: new principles of justice and normative dimensions of choice // American Political Science Review. 1995, March. Vol. 89, No 1.
 28. *Finifter A.W. and Mickiewicz H.* Redefining the political system of the USSR: mass support for political change // American Political Science Review. 1992. Vol. 87. No 2.
 29. См. напр.: *McIntosh M.E., MacIver M.A., Abele D.I., Smeltz D.* Publics Meet Market Democracy in Central and East Europe, 1991-1993. Paper presented at the XIII World Congress of Sociology. Bielefeld, Germany. July, 1994.; *Norton S.J.* Ideas, interests and political behavior: the impact of economic transformation on attitudes toward politics in Poland Paper presented at the 1995 Annual Meeting of the American Political Science Association. Chicago. September, 1995.
 30. *Miller A.H., Hesli V.L. and Resinger W.M.* Reassessing mass support for political and economic change in Former USSR // American Political Science Review. 1992. Vol. 88. No 2.